

Леди,
ЛЮБОВЬ
и КИНЖАЛ

АННА БАРР

18+

Анна Барр
Леди, любовь и кинжал

<https://litres.ru/73994214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была рождена, чтобы править. Её научили убивать, чтобы выжить. Но никто не научил её тому, как не влюбиться в собственного врага.

Содержание

Глава 1. Последнее торжество	4
Глава 2. Когда двери оказались закрыты	13
Глава 3. Чернявая	22
Глава 4. В пасти дьявольского голода	30
Глава 5. Ари из Веньерлиана	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анна Барр

Леди, любовь и кинжал

Глава 1. Последнее торжество

*В ту ночь хрусталь пел, а мир уже
трещал по швам - просто никто не
хотел этого слышать.*

Пламя тысячи свечей отражалось в зеркальном паркете Танцевальной Залы, множа золото на золото, пока не начало рябить в глазах. Леди Ариадна Илаира Мариам де Веньер стояла на верхней ступени мраморной лестницы, и её имя звучало под сводами - длинное, точно эхо, рассыпающееся на слоги, - возвещая начало праздника в честь двадцатилетия наследницы. В зале собрался весь цвет королевства. И каждый, от герцога Приморья до младшего барона Западных пустошей, знал: этот бал не просто дань традиции. Сегодня король Эдрик должен был объявить о помолвке дочери. Это значило ещё одно - сегодня решалась судьба трона.

Ариадна медленно спускалась, и шелк её платья цвета воронова крыла струился по ступеням, будто темная вода; каштановые длинные волосы, спадающие на тонкие плечи, никак не украшенные, подчеркивали траур мероприятия. Пла-

ть девушка выбрала нарочно: не розовый бутон, не невинная лазурь, а черный шелк с серебряной вышивкой, повторяющей узор грозовых облаков. Её фрейлина - Марта - ещё утром спросила, выходит она замуж или идет на войну. Для Ариадны ответ был очевиден, но тогда она промолчала. Король не спрашивал, хочет ли она этого брака. Маркиз Дамиан де Лакруа, будущий супруг, был хорош собой, богат и скупен до зубного скрежета. За три месяца ухаживаний он ни разу не посмотрел ей в глаза — только в декольте или в карту земель, которые получит в приданое. И одна деталь всё же была главенствующей - хорошая дружба короля с его отцом, полная уверенность в преданности и услужливости. Впрочем, какая разница? Мать говорила перед смертью: «*Корона — это не счастье, Ари. Это служба*». И Ариадна служила. Улыбалась послам. Заучивала законы. Носила корсеты, в которых невозможно дышать, и делала вид, что не замечает шёпота за спиной.

Она ступила на паркет, и толпа расступилась, образуя живой коридор. В его конце уже ждал Дамиан — самодовольный, в алом камзоле, слишком ярком для человека его положения. Когда их взгляды встретились, он улыбнулся одними губами. Глаза остались холодными, оценивающими. Ариадна вложила пальцы в его протянутую ладонь — сухую, тёплую, чуть влажную от волнения, — и оркестр заиграл лернейский вальс.

Они закружились по залу. Его рука на её талии лежала

правильно — на два пальца ниже лопаток, не более, — но от этого прикосновения хотелось отдёрнуться. Или вымыться. Ариадна поймала себя на мысли, что считает такты до конца танца: *тридцать два, тридцать три...*

— Вы сегодня бледны, моя леди, — заметил Дамиан, наклоняясь чуть ближе, чем позволяли приличия. От него пахло мускусом и вином.

— Освещение такое, — ответила она бесстрастно. — Светы искажают цвета.

— Верно. — Он снова улыбнулся той самой улыбкой, которая ей не нравилась. — Зато ваши бриллианты не искажает ничто.

Мои бриллианты. Не мои глаза. Не моя душа. Бриллианты.

Мелодия плыла, и Ариадна сквозь неё вслушивалась в зал. Справа у колонны шептались послы Сопределья. Слева, возле стола с закусками, две герцогини обмахивались веерами, но их лица были напряжены. Где-то далеко — едва уловимо, почти на грани слышимости, — она различила низкий, вибрирующий гул. Он шёл не из зала и не с улицы, а глубже, словно сопела сама земля.

Ариадна споткнулась.

— Что-то не так? — Дамиан придержал её, но в его голосе не было заботы. Только раздражение. Не хватало ещё, чтобы невеста упала до объявления. Позор его будущей супруги был ни к чему.

— Ничего. Туфли жмут.

Вальс кончился. Раздались жидкие аплодисменты — скорее этикетные, чем искренние. Ариадна отступила от Дамиана раньше, чем стихла последняя нота, и повернулась к тронному возвышению. Трон короля пустовал. Она нахмурилась. Отец обещал спуститься. *«Я объявлю о помолвке лично»*, — сказал он неделю назад, когда они последний раз ужинали вместе. Но с тех пор она видела его лишь однажды — сквозь неплотно прикрытую дверь башни Звездочёта. Он сидел над картами, бормотал что-то о «точке невозврата» и даже не заметил, как дочь принесла ему ужин, который так и остался нетронутым.

— Где Его Величество? — спросила Марта, возникая у плеча Ариадны с кубком воды.

— Понятия не имею.

— Это странно. Очень странно. Советники бегают с утра как угорелые. Канцлер Хьюго дважды заходил в башню и оба раза вылетал красный.

Ариадна взяла кубок, но пить не стала. Только сжала холодный металл, чувствуя, как тревога, зревшая в груди последние дни, начинает расползаться по телу липким холодом.

— Марта, — тихо сказала она, — ты не чувствуешь этот звук?

Фрейлина склонила голову к плечу, прислушиваясь.

— Какой звук, Ваше Высочество?

— Низкий. Как будто как будто шторм идёт из-под земли.

Марта хотела что-то ответить, но в этот момент в дальнем конце зала раздался звон разбитого стекла. Кто-то вскрикнул. Все головы повернулись. Сквозь витраж с изображением Первой Королевы Венъерлиана влетело нечто маленькое, чёрное, стремительное. Оно ударилось о мраморный пол, подпрыгнуло и покатилося к ногам танцующих. Это была не птица. Это был камень. Обычный булыжник, обмотанный обрывком обгорелой ткани, от которого поднимался слабый дымок.

Секунду в зале царил гробовая тишина.

А потом взвыли колокола.

Не те, что возвещают о празднике. Другие. Те, что Ариадна слышала только раз в жизни — десять лет назад, когда на городской стене случился пожар. Протяжный, нарастающий звон, от которого кровь стынет в жилах.

Всё смешалось. Знать бросилась к выходу, опрокидывая столы. Бокалы летели на пол, разбиваясь о паркет. Где-то плакала женщина, где-то мужской голос кричал: «*Пропустите герцогиню!*». Дамиан, только что сжимавший её руку, исчез — растворился в толпе, даже не обернувшись. Ариадна стояла на месте, вглядываясь в витраж, за которым, как ей показалось, мелькнула вспышка — далёкая, алая, не похожая на свет факелов.

— Ваше Высочество, умоляю, бежим! — Марта схватила её за локоть. — Бежим в убежище!

— Нет. — Ариадна вырвала руку. Она не знала, откуда взялось это спокойствие. Внутри всё дрожало, но лицо оставалось маской. Двадцать лет тренировки. — Сначала я должна найти отца.

— Но канцлер сказал..

— Плевать, что сказал канцлер! Я наследница престола. Я не прячусь, пока король не в безопасности.

Она подобрала юбки — чёрный шёлк оказался неожиданно удобным для бега — и бросилась не к главному выходу, а к боковой двери, ведущей в коридоры для слуг. Марта, помедлив мгновение, последовала за ней.

В узких проходах пахло пылью и крысиным ядом. Лампы здесь не зажигали — слуги и в темноте знали дорогу. Ариадна бежала на ощупь, ведя ладонью по холодному камню. С каждым шагом странный гул становился громче. Уже не на грани слышимости, а явственный. И он совпадал с ударами её сердца. Она уже не спрашивала, что это. Она знала.

Это была война.

Лестница. Винтовая, бесконечная. Сорок ступеней вверх. Дверь в башню Звездочёта, обитая железом, чуть приоткрыта.

— Остайся здесь, — бросила Ариадна Марте и толкнула дверь.

В круглой комнате под куполом горела лишь одна лампада — масляная, колышущаяся. Король Эдрик де Веньер стоял спиной к двери, склонившись над огромным столом, где в

беспорядке лежали карты, исписанные листы и хрустальная сфера, внутри которой метался туман.

— Отец.

Он не обернулся.

— Отец, на город напали. Ты слышишь колокола?

— Слышу, — голос короля был глухим, надтреснутым. —

Я слышу их уже месяц, Ари.

Она замерла в двух шагах от него.

— Месяц?.. О чём ты?

Он повернулся. И Ариадна едва не отшатнулась. Перед ней стоял не тот статный, могучий король, которого она помнила с детства, а иссохший старик с запавшими глазами и трясущимися руками.

— Я хотел защитить тебя, — прошептал он. — Хотел, чтобы ты танцевала. Ещё хотя бы один вальс. Но они уже здесь. Северная Империя. Они прорвали барьер. Я держал его сколько мог, но предатель внутри. Предатель открыл им путь.

— Предатель? Кто?

Он не ответил. Только протянул дрожащую руку к лицу дочери и погладил её по щеке — не как король, а как умирающий.

— Помни, — сказал он едва слышно. — Ты — последняя Веньер. Что бы тебе ни сказали. Что бы ты ни увидела. Ты — истина этого королевства.

Грохот. На этот раз не гул, а настоящий взрыв — где-то

внизу, возможно, в тронном зале. Здание содрогнулось. С потолка посыпалась каменная крошка. Король отдернул руку, и лицо его исказилось.

— Уходи, — приказал он твёрдо. — Сейчас же.

— Только с тобой!

— Я уже мёртв, Ариадна. Я умер в тот день, когда твоя мать перестала дышать. А ты — нет. Ты жива. Беги.

— Я не брошу тебя! Папа.. — в её голосе впервые зазвенели слёзы.

— Ты не бросаешь. Ты выполняешь мой последний приказ как короля. — Он выпрямился, и на мгновение перед ней снова возник прежний Эдрик, которого боялись соседи и уважали союзники. — Уходи через Старый ход. Под Тронным залом. Марта знает где. И никогда.. никогда не снимай это.

Он вложил ей в ладонь что-то холодное — кольцо-печатку с гербом Веньерлиана. И, прежде чем она успела возразить, вытолкнул за дверь.

Та захлопнулась. Лязгнул засов изнутри.

— ОТЕЦ!

Тишина.

Затем снизу, откуда-то из недр замка, донёсся новый звук. Не взрывы, не колокола. Чужой, резкий, каркающий язык. Крики на имперском наречии. Они уже внутри.

Марта, бледная как смерть, схватила Ариадну за руку и потащила вниз, в темноту. Они бежали, спотыкаясь, мимо

кладовых и пыльных гобеленов, пока не оказались в узком туннеле, ведущем прочь из дворца. За их спинами рушился мир.

А впереди была холодная, равнодушная ночь.

Где-то далеко, на холме за стенами города, Капитан Кайан Вэлл сидел в седле вороного коня и смотрел, как падает первый бастион Веньерлиана. Его лицо не выражало ничего — ни торжества, ни жалости. Только усталость. — Первая фаза завершена, — доложил адъютант. — Хорошо, — ответил Кайан, не отрывая взгляда от пожара. — Выдвигаемся. К утру я хочу видеть тронный зал. Он прищипорил коня и двинулся вниз по склону, в самое сердце чуждой трагедии.

Глава 2. Когда двери оказались закрыты

Некоторые двери закрываются навсегда, даже если остаются открытыми настежь.

Подземный ход дышал сыростью и веками. Ариадна бежала, подобрав юбки, не чувствуя ног. Туннель уходил вниз, в темноту, подсвеченную лишь одной масляной лампой, которую Марта зажгла на бегу дрожащими руками. Стены здесь были сложены из грубого, неотёсанного камня — не то что мрамор дворца. Здесь не проходили процессии. Здесь прятались.

Факел в руке фрейлины плясал, выхватывая из мрака то ржавые кольца в стене, то оскаленную пасть водосточной горгульи, то скользкие ступени, уводящие всё глубже. Грохот наверху превратился в глухой, утробный рокот — словно гора, на которой стоял дворец, ворочалась во сне.

— Марта, — выдохнула Ариадна, хватая ртом спёртый воздух. — Стой.

Фрейлина обернулась. Её лицо, обычно румяное и беззаботное, сейчас напоминало гипсовую маску — белое, с тёмными провалами глаз.

— Ваше Высочество, нельзя останавливаться. Они могли уже перекрыть выход.

— Я сказала — стой.

Ариадна прислонилась к стене и медленно сползла по ней, садясь прямо на холодный камень. Юбка воронова крыла легла вокруг неё бесформенной лужей. В висках стучало. В ушах звенели отголоски последних слов отца: «*Ты — истина этого королевства*».

Что это значило? Почему он говорил так, словно уже никогда её не увидит? И предатель — кто? Кто открыл ворота врагу?

— Марта, — она подняла глаза. — Ты давно служишь при дворе.

— Десять лет, Ваше Высочество. Я поступила горничной, когда мне было двенадцать.

— Ты знаешь, что происходит? Почему отец заперся в башне? Почему никто ничего мне не говорил?

Марта отвела взгляд. Пламя факела дрогнуло.

— Я.. я не должна была слышать, но...

— Говори.

— Герцог Корвейский. Он он пропал три месяца назад. Официально — отправился с посольством на север. Но прачка, которая стирает его бельё, сказала моей тётке, что никакого посольства не было. Герцог сбежал. Говорили, что он передал Империи карты наших пограничных гарнизонов.

Ариадна прикрыла глаза. Герцог Корвейский — отец Дамиана. Её жениха.

— Дамиан знал?

— Не могу знать, Ваше Высочество.

Вот почему он так спешно исчез, когда началась паника. Вот почему смотрел на неё, как на товар. Он не был женихом. Он был заложником, которого отец-предатель бросил при дворе, чтобы усыпить бдительность. А когда заложник стал не нужен — просто испарился.

Ариадна рассмеялась — коротко, горько.

— Меня продали ещё до того, как началась война. Просто я узнала об этом последней.

Она встала. Платье потяжелело от грязи и воды, натекшей откуда-то сверху. В тусклом свете Мартинового факела Ариадна оглядела себя: шёлк порван на подоле, серебряная вышивка забрызгана сажей, туфли потеряны где-то на лестнице. От наследницы престола осталась босая девчонка с кольцом-печаткой в побелевших пальцах.

— Идём, — сказала она глухо. — Показывай дорогу.

Старый ход заканчивался у Западных ворот, вернее — под ними. Это была крошечная караульная комната, вырубленная в толще крепостной стены. О ней знали лишь члены королевской семьи и начальник стражи. Когда-то давно, ребёнком, Ариадна играла здесь в прятки с кузенком Лионелем. Теперь Лионель командовал гарнизоном Северного форта — если ещё был жив. Марта потянула ржавый рычаг, и участок стены, притворявшийся кладкой, отъехал в сторону с протяжным скрежетом. В лицо ударил ветер — холодный, пахнущий гарью, но такой желанный после спёртого подземелья.

Они выбрались наружу. И замерли.

Веньерлиан горел.

Не дворец — он пока держался, подсвеченный снизу оранжевым заревом, — а Нижний город. Квартал Ремесленников пылал, как факел. Языки пламени лизали ночное небо, вырываясь из окон пекарни, из кузни, из маленьких уютных домиков, где ещё вчера вечером варили ужин и укладывали детей. Дым поднимался столбом, закрывая звёзды, и в этом дыму кружили искры — словно кто-то высыпал с небес мешок золотых монет.

— Пресвятая Матерь, — выдохнула Марта.

У Ариадны не было слов.

Она хотела заплакать, но глаза остались сухими. Хотела закричать — но горло перехватило. Она стояла босиком на холодной брусчатке, в разорванном платье, с кольцом в кулаке, и смотрела, как горит её королевство. Её народ. Её будущее.

— Надо идти, — прошептала Марта, дёргая её за рукав.

— Здесь открытое место. Нас могут заметить.

Ариадна не двинулась.

— Кто это сделал? — спросила она одними губами.

— Северная Империя. Я слышала крики на их языке, когда мы бежали.

— Я хочу увидеть.

— Что?!

— Я хочу увидеть их. Врагов.

Марта попыталась протестовать, но Ариадна уже шагала вдоль стены, прижимаясь к камням, стараясь оставаться в тени. Фрейлине ничего не оставалось, как последовать за ней, бормоча молитвы.

Они обогнули бастион и вышли к небольшой смотровой площадке, откуда открывался вид на главную дорогу, ведущую к дворцу. И там Ариадна увидела его. Всадник на вороном коне.

Конь был огромен — не местной породы, а северный тяжеловоз, способный проломить грудью строй пехоты. Он гарцевал на месте, роняя с удил хлопя пены, и пар валил из его ноздрей в холодном ночном воздухе. Но не конь приковал взгляд Ариадны.

Всадник.

Он был закован в сталь — тёмную, матовую, не дающую бликов. Наплечники в форме волчьих голов. Шлем с опущенным забралом скрывал лицо, но даже без лица он излучал угрозу. От него веяло холодом, расчётом, абсолютным спокойствием среди хаоса. Пока вокруг рушился мир, пока горели дома и умирали люди, он сидел в седле неподвижно, как статуя. И только рука в латной перчатке небрежно поглаживала рукоять меча.

Вокруг него кипела битва. Десяток имперских солдат добивали остатки дворцовой стражи у ворот. Крики, лязг стали, стоны. А он просто ждал. Ждал, пока расчистят путь. И вдруг, словно почувствовав взгляд, всадник обернулся.

Забрало было опущено, но Ариадна готова была поклясться — он смотрит прямо на неё. Сквозь пламя, сквозь дым, сквозь полсотни шагов, разделявших их. Холод пробежал по её спине. Не страх. Что-то другое — острое, почти болезненное.

— Кто это? — спросила она, не узнавая собственный голос.

— Я не.. — начала Марта.

Один из имперцев, пробегая мимо всадника, отсалютовал и прокричал что-то на своём языке. Ариадна не знала имперского, но одно слово разобрала. Имя. Или звание.

— Капитан.

Человек на вороном коне. Тот, кто разрушил её мир. У него было имя. Звание. Лицо под сталью. И он только что заметил двух женщин у стены.

Он поднял руку в латной перчатке и указал в их направлении.

— Бежим! — Марта рванула Ариадну за локоть, и на этот раз наследница не сопротивлялась.

Они нырнули в переулок — узкую щель между домами, куда лошадь не пройдёт. За спиной слышались крики, топот сапог. Имперцы заметили. Погнались. Ариадна бежала, не разбирая дороги, наступая босыми ногами на битое стекло и острые камни, не чувствуя боли. Только стук сердца. Только дыхание — рваное, обжигающее лёгкие.

Переулок вывел их к Рыночной площади. Здесь царил ха-

ос. Телеги перевернуты, лотки разбиты, в воздухе летает пух из распоротых перин. Горожане мечутся, не зная, куда бежать. Женщина в ночной рубашке прижимает к груди младенца и что-то кричит — беззвучно, то ли сорвала голос, то ли Ариадна оглохла на миг.

— Сюда! — Марта указала на церковь. Её двери были распахнуты. — Там убежище. Священники прячут людей в крипте.

Они бросились к храму, но не успели.

Откуда-то слева вылетел всадник — не тот, другой, молодой, с факелом в руке. Он швырнул факел в соломенную крышу часовни, и та занялась мгновенно, жадно, с воем. Конь заржал, вставая на дыбы. Всадник заметил двух женщин и развернулся к ним.

— Стой! Именем Империи!

Марта заслонила собой Ариадну.

— Бегите, Ваше Высочество! — крикнула она и толкнула её в сторону церкви.

— Нет, Марта, вместе!

— Я задержу! Бегите!

Фрейлина выхватила откуда-то из складок юбки маленький нож — наверное, стащила на кухне, когда они бежали через кладовые. Она выставила его перед собой дрожащей рукой. Имперец расхохотался. Спешился. Пошёл на неё, поигрывая мечом.

Ариадна замерла.

Вот оно. Момент выбора. Броситься на помощь и умереть? Или бежать, как велел отец, и сохранить возможность вернуть корону, спасти свой дом и своих людей? Она попятилась. Шаг. Ещё шаг. Всадник не обращал на неё внимания — он забавлялся с фрейлиной, как кот с мышью. У Ариадны было, может быть, пять секунд. Может, меньше.

Она развернулась и побежала.

Не к церкви. Туда было уже не успеть. Она побежала прочь, в тень, в дым, в неизвестность, а за спиной раздался короткий, оборванный крик — и тишина.

Ариадна не обернулась.

Не смогла.

Она бежала до тех пор, пока ноги не подкосились. Рухнула где-то в тёмном тупике, между бочками с дождевой водой и кучей мусора. Прижалась спиной к холодной стене, обхватила колени руками и наконец заплакала. Беззвучно. Яростно.

Отца больше нет. Марты больше нет. Королевства больше нет.

Осталась только она. Кольцо. И ненависть к человеку на вороном коне.

Этой же ночью, ближе к рассвету, когда Веньерлиан догорал, а имперцы праздновали победу в тронном зале, Капитан Кайан Вэлл стоял на той самой смотровой площадке у Западных ворот. В руке он держал обрывок чёрного шёлка — клочок, зацепившийся за каменный выступ. Он поднёс его

к свету факела. Ткань была дорогой. Очень дорогой. Не крестьянка. Не служанка. — Найти, — приказал он адъютанту. — Женщина в чёрном шёлке. Живой. Я хочу знать, кто прятался у стен этой ночью.

Глава 3. Чернявая

Говорят, в час величайшей потери боги посылают знак. Ей послали пепел. Он пах предательством.

Рассвет застал Ариадну в повозке беженцев.

Она не помнила, как оказалась здесь. Помнила только боль в израненных ступнях, запах дыма, въевшийся в волосы, и чьи-то руки, подхватившие её, когда она, обессиленная, выползла из своего убежища. Старик-мельник с трясущейся бородой втащил её в телегу, нагруженную мешками с мукой и перепуганными детьми. Он не спросил, кто она. Не до того было. Просто буркнул: *«Держись, девка. До Дальнего Холма доведу, а там сама».*

И она держалась.

Телега тряслась по разбитой просёлочной дороге, уводящей прочь от столицы. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись поля — те самые, что ещё вчера золотились пшеницей. Теперь они были вытоптаны. Копыта имперской конницы прошли по ним, превратив пашню в месиво из грязи и соломы.

Ариадна сидела на краю телеги, свесив босые ноги, и смотрела, как удаляется дымный столб над Веньерлианом. Он стал меньше. Превратился в тонкую серую нить, связы-

вающую небо и землю. Словно пуповина, которую вот-вот перережут.

Рядом хныкал ребёнок — девочка лет пяти, закутанная в грязный платок. Её мать, женщина с остановившимся взглядом, машинально гладила дочь по голове, но не произносила ни слова. Напротив сидел мужчина с перевязанной рукой — повязка пропиталась кровью и потемнела. Где-то впереди, на козлах, старик-мельник монотонно ругал имперцев, лошадей, короля, богов — всех разом.

Ариадна не слушала.

Она смотрела на свою левую ладонь, в которой до сих пор сжимала кольцо-печатку. Оттиск герба впечатался в кожу — расправившая крылья птица Рух, древний символ дома де Веньер. Когда-то отец говорил, что эта птица никогда не спит. Теперь, глядя на отпечаток, Ариадна думала, что птица, кажется, мертва.

— Держи.

Она вздрогнула. Женщина с остановившимся взглядом протягивала ей краюху хлеба — чёрствого, с отпечатками пальцев, явно схваченного впопыхах.

— Ты белая, как покойница. Поешь.

Ариадна хотела отказаться. Хотела сказать, что ей ничего не нужно. Но желудок свело судорогой. Когда она ела в последний раз? Вчера на балу. И то — лишь пригубила шампанское. Она взяла хлеб.

— Спасибо, — голос прозвучал хрипло, чужеродно.

Женщина кивнула и отвернулась к своему ребёнку. Ей было всё равно, кто перед ней. Принцесса, крестьянка, нищенка — война сравняла всех.

Ариадна вгрызлась в чёрствую корку и заплакала. Беззвучно. Слезы текли по щекам, смешиваясь с грязью и сажей, капали на чёрный шёлк платья, который уже не был ни чёрным, ни шёлковым — просто тряпкой, покрытой коркой запёкшейся глины. Она плакала не от жалости к себе. Она плакала от бессилия. От того, что сидит в телеге с беженцами, жуёт подачку и ничего — ничего — не может сделать.

Отец мёртв. Марта мертва. Королевство пало.

А она — наследница, надежда династии, *«истина королевства»* — едет в неизвестность, даже не зная, к кому податься.

К полудню телега остановилась у перекрёстка. Дальний Холм — небольшая деревушка в низине, куда, видимо, не добралась имперская конница. Здесь уже скопились десятки беженцев. Кто-то разбил палатки прямо в поле, кто-то ютился под открытым небом, закутавшись в одеяла. Дымили костры. Плакали дети. Старуха в лохмотьях громко молилась, раскачиваясь из стороны в сторону.

Ариадна спрыгнула с телеги и едва не упала — ноги затекли, ступни горели. Она огляделась, пытаясь понять, что делать дальше.

— Эй, чернявая, — окликнул её старик-мельник. — Ты сама-то откуда? Из города?

Она замерла. Чуть не ляпнула «из дворца». Вовремя прикусила язык.

— Из Нижнего квартала, — соврала она. — Служанка. Господа сбежали, нас бросили.

Мельник сплюнул под ноги.

— Господа Все они одинаковы. Что наши, что имперские. — Он покосился на её платье. — Хотя одёжка на тебе больно богата для служанки. Стянула, поди?

— Стянула, — согласилась Ариадна. Так было проще.

— Ладно, дело твоё. Вон там, за амбаром, деревенские тряпье раздают. Переоденься. А то привлечёшь лихих людей. Тут сейчас всякие бродят — мародёры, дезертиры..

Она кивнула и побрела к амбару.

За ним, на расстеленном рядне, лежала куча одежды. Старая, штопаная, с чужого плеча. Но выбирать не приходилось. Ариадна нашла тёмно-серое шерстяное платье — простое, колючее, пахнущее дымом и чем-то кислым — и заползла за поленницу, чтобы переодеться.

Сдирая с себя чёрный шёлк, она почувствовала странную лёгкость. Будто вместе с платьем сходила кожа. Больше не леди де Веньер. Больше не наследница. Просто Ари. Просто беженка. Просто никто.

Она скатала шёлковый наряд в комок, хотела зашвырнуть подальше — и замерла. Пальцы нащупали что-то твёрдое. Маленький внутренний карман у пояса. Она забыла о нём. Ариадна запустила руку внутрь и вытащила две вещи.

Первая — миниатюрный портрет матери. Королева Изабелла смотрела с него спокойно, чуть насмешливо, как всегда. Тёмные волосы, такие же, как у Ариадны. Глаза — умные, глубокие. Она умерла восемь лет назад, но Ариадна до сих пор помнила её голос, её духи, её манеру напевать колыбельные на старом языке, который уже никто не помнил.

— Мама, — прошептала Ариадна, прижимая портрет к губам. — Что мне делать?

Портрет молчал.

Вторая вещь — сложенный вчетверо лист пергамента. Письмо. Она не помнила, чтобы клала его в карман. Может быть, отец? Или Марта? Ариадна развернула лист дрожащими пальцами и пробежала глазами по строчкам.

Почерк был отцовским.

«Ариадна, если ты читаешь это, значит, я не успел сказать тебе правду. Прости. Я не хотел, чтобы ты несла этот груз, но теперь выбора нет.

Война началась не вчера. Она началась двенадцать лет назад, когда мы сожгли Шепчущий Лес. Ты знаешь эту историю как победу — на самом деле это было преступление. Мы уничтожили святыню Северной Империи. Убили Хранителей. Твоя мать была против. Она заплатила за это жизнью — не болезнь, Ари. Яд.

Империя пришла не завоёвывать. Они пришли мстить. И они имеют на это право.

Сердце Шторма — не просто источник магии. Это жи-

вая душа их народа. Я пытался использовать его, чтобы воскресить твою мать, и только истощил. Теперь оно умирает, и с ним умирает наша земля.

Ты — наследница не только короны, но и этого долга. Я не прошу тебя простить меня. Я прошу тебя исправить то, что я сломал.

Будь осторожна. Канцлер Хьюго знает о Сердце и хочет его для себя. Он опаснее Империи. Не доверяй никому.

Люблю тебя, папа».

Ариадна перечитала письмо трижды.

Потом ещё раз.

Слова расплывались перед глазами. Смысл ускользал, отказывался укладываться в голове. Отец — не защитник, а агрессор? Священная война — всего лишь месть за старое преступление? Мать — отравлена? И Сердце Шторма — не легенда, не метафора, а реальность, которую скрывали даже от неё?

Хотелось разорвать письмо. Сжечь. Притвориться, что она никогда его не читала. Хотелось верить, что отец был безумен в последние дни и нёс чепуху. Но что-то внутри неё — холодное, трезвое, безжалостное — знало: это правда. Вспомнились обрывки разговоров. Недосказанности. Тени на лицах советников при упоминании Северной Империи. И мать, задыхающаяся в постели, с синими губами, шепчущая: «*Не вини их, Ари*».

Она всегда думала, что мать бредила.

Теперь поняла — прощалась.

Ариадна опустилась на землю. Свежий ветер трепал её спутанные волосы, донося запах дыма из догорающей столицы. Она смотрела перед собой невидящим взглядом и впервые за сутки не знала, кого ненавидеть больше. Империю, которая пришла мстить за сожжённую святыню? Отца, который скрывал правду? Дядю-канцлера, который, судя по письму, охотится за Сердцем Шторма? Или себя — за то, что жила в неведении, упиваясь привилегиями, и ни разу не спросила, какой ценой они оплачены.

— Эй, ты долго там? — раздался голос мельника. — Трогаемся через час. Если с нами хочешь — поторапливайся.

Ариадна поднялась. Сунула портрет и письмо в карман грубого шерстяного платья. Вдохнула. Выдохнула.

— Я не еду, — сказала она, выходя из-за поленницы.

— Чего так?

— У меня нет цели. А у вас — нет лишнего места.

Мельник пожал плечами. Он не стал спорить. В конце концов, чужая судьба сейчас никого не волновала.

Телега отъехала. Ариадна осталась на краю лагеря беженцев — босая, в колючем платье, с портретом мёртвой матери и письмом мёртвого отца за пазухой. Перед ней лежала дорога. Разбитая, ведущая на восток — туда, где, по слухам, собирала силы имперская армия.

Она ещё не знала, зачем идёт туда.

Может быть, чтобы сдаться. Может быть, чтобы мстить —

но уже не за королевство, а за правду. Может быть, просто потому, что идти больше некуда.

Она сделала первый шаг. Потом второй. Босая нога ступила в холодную грязь, и Ариадна впервые за долгое время почувствовала себя живой.

Вечером того же дня на перекрёстке Дальнего Холма остановился имперский патруль. Командир, молодой лейтенант с вьедливыми глазами, опрашивал беженцев. Он размахивал листком с описанием: «Женщина. Около двадцати лет. Тёмные волосы. Благородная осанка. Была одета в чёрный шёлк. Особая примета — кольцо с гербом». — Капитан Вэлл лично приказал найти, — говорил он каждому встречному. — Кто укажет — получит золотой.. Но Ариадны среди беженцев уже не было. Только старуха, молившаяся у костра, сказала: «Была тут одна. Чернявая. Красивая, как смерть. Ушла на восток. Босиком».

Глава 4. В пасти дьявольского голода

Дорога не спрашивает, готов ли ты. Она просто лежит под ногами — и ждёт, пока ты сделаешь следующий шаг.

Три дня пути слились в один бесконечный, монотонный отрезок. Ариадна шла на восток. Шла через поля, превратившиеся в болота, через рощи, где деревья стояли голые, словно обглоданные кости, через заброшенные деревни, из которых жители ушли так поспешно, что оставили распахнутыми двери и недоеденный ужин на столах. Один раз она наткнулась на мёртвую лошадь — та лежала у дороги, раздутая, с остекленевшими глазами. Ариадна обошла её стороной и не оглянулась.

Она училась выживать. Училась быстро.

В первый день она чуть не потеряла сознание от голода. Во второй — нашла заброшенный огород и выкопала несколько замёрзших реп, которые грызла сырыми. В третий — старуха-беженка, ковылявшая в противоположную сторону, молча сунула ей в руки кусок вяленого мяса. Не спросила имени, не попросила платы. Просто дала и пошла дальше. Война сделала людей жестокими и милосердными одновременно, как перевернутая монета, всё время падающая разной сто-

роной.

Голова была забита вопросом, на который пока не было ответа. Где найти Сердце Шторма? Без сердца организм не можем существовать, истощаются вены, жилы – истощается земля. Перед организмом природы нет равных. Люди – ему враги. Веньерлианцы – особенно. Имперцы хотят не мести. Они хотят спасения. Хотя одно могло просто сопровождать другое, быть его частью.

Ноги больше не болели. Они покрылись коркой засохшей грязи, царапинами и мозолями, которые лопнули и затянулись новой, более грубой кожей. Ариадна смотрела на свои ступни вечером третьего дня и не узнавала их. Это были не ноги настоящей леди. Это были ноги человека, который идёт, потому что остановиться — значит умереть.

На рассвете четвёртого дня она вышла к городу. Он назывался Приозёрск — небольшой торговый форпост на берегу Лунного озера, в полусотне миль от границы. Когда-то здесь кипела жизнь: приезжали купцы с севера, швартовались баржи, на рыночной площади торговали сушёной рыбой и мехами. Но теперь над озером стояла тишина. Не та уютная тишина предрассветного часа, а зловещая, напряжённая — словно сам воздух затаил дыхание. Ариадна спустилась с холма и вошла в город через восточные ворота. Вернее, через то, что от них осталось. Створки были сорваны с петель и лежали на земле, разбитые в щепки. Над аркой висел обгоревший флаг Веньерлиана — синий с серебряной птицей

Рух. Край флага тлел, и тонкая струйка дыма поднималась к серому небу. Город был занят Империей.

Это стало ясно с первого взгляда. На улицах попадались патрули — по двое, по трое, в тех же тёмных доспехах, которые Ариадна запомнила по ночи падения. Имперские солдаты вели себя спокойно, даже лениво. Не грабили, не жгли. Просто прохаживались вдоль домов, заглядывали в лица прохожих, время от времени останавливали кого-то для проверки.

Ариадна опустила голову и накинула капюшон старого плаща, который стащила с чьего-то забора прошлой ночью. Он был велик, пах псиной и прелым сеном, но скрывал лицо и благородную линию плеч. Идти с гордо поднятой головой сейчас означало подписать себе приговор. Она двигалась вдоль главной улицы, сама не зная, что ищет. Еду? Ночлег? Информацию? Ответ на вопрос, который мучил её с момента прочтения отцовского письма?

Сердце Шторма. Живая душа народа, природы, самого человечества. Если отец говорил правду, то где-то в королевстве — или под ним — скрыто нечто, способное изменить ход войны. И дядя Хьюго охотится за ним. Если он получит Сердце, Империя покажется детской страшилкой. По крайней мере, так казалось исходя из письма. Каким образом сердце истощает земли Веньерлиана? Как это остановить? И возможно ли это? Может, все здесь давно обречены и в сопротивлении нет никакого смысла? Почему Хьюго не хочет

спасти мир от вымирания?

Канцлер был человеком без совести и без границ – Ариадна знала это с детства, чего, к сожалению, не замечал её отец. Он улыбался ей на семейных ужинах, дарил дорогие подарки, но глаза его всегда оставались холодными, оценивающими. Как у змеи, прикидывающей расстояние до жертвы.

Нужно было найти тех, кто знает больше. Но кому довериться? Бывшим союзникам отца? Аристократам, которые переметнутся к победителю при первой возможности? Нет. Если чему и научила Ариадну эта война, так это тому, что золото и титулы не гарантируют верности. Остался другой способ – найти информацию из письменных источников. Только, где их искать? Или.. Можно поступить иначе. Совершенно иначе. Она ведь не единственная, кто за ним охотится?

Её размышления прервал запах.

Тёплый, густой, обволакивающий — запах свежего хлеба.

Желудок скрутило так сильно, что Ариадна согнулась пополам. Она прижалась к стене дома, переживая спазм, и сквозь пелену слабости увидела вывеску. «Пекарня госпожи Лизетты». Окна целы, труба дымит. Живая.

Она толкнула дверь. Звякнул колокольчик. Внутри было тепло. Удивительно, невозможно тепло после трёх дней холода. Пахло дрожжами, корицей и чем-то ещё — уютным, домашним, почти забытым. За прилавком стояла женщина лет пятидесяти, полная, круглолицая, с мукой на кончике носа. Она месила тесто сильными руками и что-то напевала

себе под нос. При виде посетительницы она остановилась.

— Ох ты ж батюшки, — выдохнула она, оглядывая Ариадну с ног до головы. — Девочка, ты откуда такая?

— Из Веньерлиана, — честно ответила Ариадна. Лгать здесь не было смысла.

— Пешком шла?

— Пешком.

Женщина — видимо, госпожа Лизетта — вытерла руки о передник и решительно вышла из-за прилавка.

— Садись. Вон туда, к печи. Сейчас.

Она усадила Ариадну на грубую деревянную скамью у печной стенки, сунула ей в руки кружку горячего травяного отвара и ломоть хлеба — ещё тёплого, хрустящего корочкой, мягкого внутри.

— Ешь, — приказала она тоном, не допускающим возражений. — И не вздумай давиться. Жевать медленно, не то желудок скрутит.

Ариадна откусила кусочек. Вкус был почти невыносимым — таким ярким, таким настоящим, что на глаза снова навернулись слёзы. Она жевала и плакала, а госпожа Лизетта стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела на неё с материнской тревогой.

— Из благородных, что ли? — спросила она вдруг.

Ариадна замерла с хлебом во рту.

— Не бойся, — усмехнулась пекарша. — Я тут двадцать лет булки пеку. Через мои руки прошло столько господ, что я

их за версту чую. У тебя пальцы — не крестьянские. Слишком тонкие. И выговор — как у придворных. «Из Веньерлиа-а-ана», — передразнила она, растягивая гласные. — Наши говорят: «Из Веньерляна». Быстрее и без выпендрёжа.

Ариадна молчала, лихорадочно соображая. Бежать? Но куда? У неё нет сил. Да и женщина не выглядела враждебной. — Я — начала она.

— Тсс, — Лизетта подняла ладонь. — Не говори. Мне не нужно твоё имя. Меньше знаешь — дольше живёшь. Но совет дам: если хочешь остаться незаметной, научись говорить, как простолюдинка. И не смотри людям в глаза так прямо. Так смотрят те, кто привык приказывать.

Ариадна медленно кивнула.

— Спасибо, — сказала она, стараясь проглотить аристократическую манеру вместе с хлебом.

— На здоровье. — Лизетта вернулась к своему тесту, но продолжала говорить — видимо, молчание ей надоело за дни оккупации. — Имперцы-то, они не звери. Которые здесь стоят — тихие. Дисциплина у них знаешь какая? Жёсткая. За мародёрство — расстрел на месте. Тут на днях один ихний солдат стащил у вдовы Клары серебряную ложку — так его перед строем выпороли и в штрафбат отправили. А капитан ихний, говорят, лично перед вдовой извинился.

Рука Ариадны, подносявшая хлеб ко рту, замерла.

— Капитан? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Ага. Кайан Вэлл, так его кличут. Молодой, а уже целым легионом командует. Стоянка у них за городом, у Старой Мельницы. Готовятся дальше наступать, на восток.

Ариадна заставила себя жевать.

Кайан Вэлл. Вот как его зовут. Человек на вороном коне. Тот, кто сжёг её город. Тот, кто убил нет. Она сама не знала, убил ли он Марту. Может быть, это был другой солдат. Но он командовал. Он отдавал приказы. Она его ненавидела? Не знала. Она не знала, на кого списать смерти близких. Где искать виноватых? И кто из виноватых был действительно виновен? Но ясно было одно – Кайан Вэлл – убийца. Прямо или косвенно – уже не имеет значения. И она должна его ненавидеть.

— А что говорят о нём? — спросила, отхлёбывая отвар.

Лизетта пожала плечами.

— Разное. Солдаты его боятся и уважают. Офицеры косятся — говорят, он выскочка, не из имперской знати. Из простых поднялся, сирота вроде. Но воюет как демон. И дисциплина у него — звериная. Своих не жалеет, чужих — тем более. Но гражданских не трогает. Это правда.

Не трогает?

Женщина помолчала, вымешивая тесто, потом добавила тише:

— Хотя есть в нём что-то жуткое. Глаза — как у покойника. Холодные. Смотрит — будто душу вынимает.

Ариадна допила отвар. Поставила кружку.

— Госпожа Лизетта, — сказала она, тщательно подбирая слова, — вы не знаете, где можно найти работу? Я не могу идти дальше. Нужно переждать.

Пекарша окинула её долгим, изучающим взглядом.

— Работу? — она хмыкнула. — Для такой, как ты? Руки нежные, спина не гнутая. Что ты умеешь?

— Читать. Писать. Считать. И — Ариадна запнулась. — И фехтовать.

Лизетта расхохоталась.

— Фехтовать! Ну и работёнку ты себе ищешь! — Она отсмеялась и вдруг стала серьёзной. — Ладно, слушай сюда. Читать-писать — это хорошо. Имперцы на днях вешали объявление: в комендатуру требуется писарь. Кто-то из прежних сбежал, бумаги в хаосе, а у них бюрократия — будь здоров. Платить будут мало, но кормить обещают. И главное — будешь сидеть в тепле, а не шататься по дорогам.

Ариадна долго смотрела на огонь в печи. Языки пламени плясали, отражаясь в её глазах. Работать на Империю. Сидеть среди врагов. Принимать от них плату, есть их хлеб. Месяц назад одна мысль об этом показалась бы чудовищной. Но сейчас. Были ли они действительно врагами? Ариадна запуталась в правильной стороне. Кто враг: Империя, спалившая её родной дом, или здешняя власть, сделавшая подобное ещё раньше?

Сейчас это была возможность. Возможность быть ближе к информации. Возможность узнать, куда движется армия, где

держат пленных, что известно о Сердце Шторма. Возможность однажды встретить Капитана Вэлла — не на поле боя, а в коридоре комендатуры. И, может быть, вонзить нож в его холодное сердце. За Марту. И за отца.

Или понять, что не всё в этой войне — чёрное и белое.

— Где находится комендатура? — спросила она.

Лизетта усмехнулась уголком губ.

— На Ратушной площади. Большое серое здание с колоннами. Не промахнёшься. Иди утром. Сегодня уже поздно, патрули ночью лютуют. Переночуешь здесь, в подсобке. Завтра дам тебе чистое платье — не моё, дочкино, она у меня выросла и уехала. Ты худая, должно подойти.

— У меня нет денег, — сказала Ариадна.

— А я и не прошу. — Лизетта ссыпала муку в квашню. — Ты, девочка, похожа на человека, которому должны многие. И когда-нибудь эти долги вернут. Вот тогда и заплатишь.

Ночью Ариадна лежала в тесной подсобке на тюфяке, набитом соломой. Из кухни доносился приглушённый храп госпожи Лизетты. Где-то далеко, за городскими стенами, выли собаки. А ещё дальше — в лагере у Старой Мельницы — горели костры Имперского Легиона. Она смотрела в тёмный потолок и впервые за много дней не плакала. Слезы кончились. Вместо них внутри росло что-то другое. Холодное. Спокойное. Опасное.

Решимость.

Завтра она пойдёт в комендатуру. Завтра она станет пи-

сарем. Завтра она начнёт охоту.

На Капитана Кайана Вэлла.

На правду о Сердце Шторма.

На самую себя — ту, прежнюю, которая ещё не знала, что корона не стоит и ломаного гроша, если под ней нет правды.

В ту же ночь в лагере у Старой Мельницы Капитан Кайан Вэлл не спал. Он сидел за походным столом, изучая донесения. Среди них было одно, заставившее его задержаться. Он искал путь к Сердцу и, кажется, его нашёл.

— Женщина, соответствующая описанию, замечена на восточном тракте, — прочитал он вслух.

Адъютант, стоявший у входа в шатёр, ждал.

— Босая, в крестьянском платье, но с благородной осанкой. Последний раз видели у поворота на Приозёрск.

Кайан отложил донесение. Приозёрск. Это в двух днях пути отсюда.

— Завтра выдвигаемся в город, — сказал он. — Проверим гарнизон. И заодно посмотрим, кто там прячется.

Глава 5. Ари из Веньерлиана

*Самая опасная ложь — не та,
которую говорят врагу. А
та, которую повторяешь себе, пока
не начинаешь в неё верить.*

Утро встретило Приозёрск мелким, надоедливим дождём. Он моросил с низкого неба, превращая улицы в грязное месиво, барабанил по крышам, стекал струйками с водосточных труб. Госпожа Лизетта выдала Ариадне обещанное платье — простое, тёмно-синее, с выцветшим передником и деревянными пуговицами. От него пахло лавандой и чем-то ещё, неуловимым, напоминающим о чужом доме, чужой жизни.

— Дочка моя, Жанна, — сказала пекарша, поправляя воротник. — Уехала с мужем на юг, к тёплым берегам. Платье оставила. Говорила — не возьму, мол, там такая жара, что ходить буду в одной сорочке. — Она усмехнулась, но в глазах мелькнула тень. — Уже год вестей нет. Может, и доехали. Может, и нет.

Ариадна хотела сказать что-то утешительное, но не нашла слов. Война разрывала связи между людьми, как гнилые нитки, и никакие слова не могли их сшить обратно.

— Спасибо, госпожа Лизетта, — сказала она наконец. —

Я верну долг.

— Вернёшь, когда сможешь. — Пекарша сунула ей в руки узелок с хлебом и сыром. — И помни: говори коротко. Не умничай. И взгляд держи ниже.

— Поняла.

Ариадна вышла под дождь. Холодные капли упали на лицо, и она поёжилась, натягивая капюшон. Плащ был тот же — краденый, пахнущий псиной. Но под ним теперь было чистое платье и странное, непривычное чувство. Будто она надела не одежду, а роль. Вторую кожу, под которой можно спрятаться.

Ратушная площадь нашлась быстро — в центре города, куда вели все улицы. Когда-то здесь кипел рынок, но теперь палатки стояли пустые, а мостовая заросла сорной травой. Лишь несколько горожан торопливо пересекали площадь, втянув головы в плечи, да у входа в комендатуру прохаживались двое имперских стражников.

Комендатура занимала бывшее здание городского совета — трёхэтажное, серое, с облупившимися колоннами и выцветшим флагом Веньерлиана, который так и не сняли. Просто поверх него прибили имперский штандарт — чёрное полотнище с серебряной волчьей головой. Два флага висели рядом, и это зрелище отозвалось в Ариадне глухой, бессильной яростью, которой ничего не оставалось, кроме как провалиться, исчезнуть перед врагом намного выше, перед тем, кому она проигрывала.

Сердце начало оттачивать свою работу быстрее, неординарно, покачиваясь от мелких шагов. Тревожность закралась под чистое девичье платье, выжигая на нем дыру в районе груди. Ариадна подошла ближе. Стражники — один рыжебородый, второй совсем юный, с прыщавым лицом — скрестили алебарды.

— Стой. Куда?

— Объявление видела, — сказала девушка, стараясь говорить «как простолюдинка» — короче, без плавных придворных интонаций. — Писарь нужен?

Рыжебородый оглядел её с ног до головы: оценивающе, как смотрят на товар на рынке.

— Писарь, говоришь? А грамоту знаешь?

— Знаю.

— И считать умеешь?

— Умею.

Он переглянулся с напарником, пожал плечами.

— Ладно. Заходи. Комната три, налево. Спроси сержанта Грегора. Он решает.

Внутри комендатуры пахло сыростью, чернилами и чем-то кислым — не то старым сукном, не то немытыми телами. Коридор был завален ящиками с бумагами, свёрнутыми знамёнами, каким-то военным скарбом. Сновали люди: офицеры с планшетами, писцы с заляпанными чернилами пальцами, солдаты, тащившие куда-то связки копий. Никто не обратил на Ариадну внимания. Она была тенью — маленькой,

серой, ничем не примечательной.

«Комната три, налево».

Дверь была приоткрыта. Ариадна постучала костяшками по косяку.

— Войдите! — рявкнули изнутри.

Она вошла. Комната оказалась крошечной, заваленной свитками и грессбухами до самого потолка. За столом, заваленным бумагами, сидел мужчина лет сорока — грузный, с багровым лицом и пышными усами, в расстёгнутом мундире имперской пехоты. Он что-то писал, яростно скрипя пером, и даже не поднял головы.

— Сержант Грегор?

— Ну я. Чего надо? — Он продолжал писать.

— Я насчёт должности писаря. Объявление на площади

Перо замерло. Сержант поднял глаза — маленькие, заплывшие, но цепкие. Осмотрел Ариадну так же внимательно, как стражник, только быстрее и профессиональнее.

— Имя?

Она запнулась на долю секунды.

— Ари.

— Просто Ари?

— Просто Ари. Сирота я. Фамилии нет.

Сержант хмыкнул. Отложил перо, откинулся на спинку стула, которая жалобно скрипнула под его весом.

— Значит, сирота. Из местных?

— Из Веньерлиана. Была служанкой. Господа сбежали,

дом сгорел. Добралась сюда с беженцами.

— И грамоту знаешь? — в его голосе звучало откровенное сомнение.

— Господа научили. Я вела хозяйственные книги.

Это было почти правдой. В детстве наставник Ариадны, старый сенешаль, учил её управлению поместьем на примере дворцовых счетоводческих книг. Скучнейшее занятие, которое она тогда ненавидела. Теперь оно могло спасти её жизнь.

— Хозяйственные книги, — повторил Грегор задумчиво. — Ладно. Проверим.

Он порылся в ворохе бумаг, вытащил мятый лист и протянул ей.

— Читай.

Ариадна пробежала глазами по строчкам. Это был приказ о снабжении — перечень провизии для третьего батальона. Сухой, казённый язык, цифры, сокращения.

— *«Приказ номер сорок семь дробь двенадцать, — начала она вслух. — Командование Имперского Легиона Южного направления предписывает выделить третьему пехотному батальону: муки ржаной — двести мешков, солонины — пятьдесят бочек, масла растительного — двадцать кувшинов»*

— Хватит, — перебил Грегор. — Теперь перепиши.

Он пододвинул к ней чистый лист и чернильницу. Ариадна взяла перо — обычное, зазубренное, не то, что её золотое, оставшееся во дворце, — и аккуратно, старательно перепи-

сала текст. Почерк вышел чуть проще, чем она умела. Она нарочно сделала буквы менее изящными, добавила пару помарок. Простолоудинка не может писать, как аристократка.

Грегор взял лист, поднёс к глазам. Долго изучал. Потом кивнул.

— Сойдёт. Почерк у тебя бабий, но разборчивый. Лучше, чем у предыдущего — тот, крысёныш, сбежал, прихватив казённые деньги. Так что я тебя предупреждаю сразу: украдёшь хоть медяк — отправишься в штрафной лагерь. У нас с этим строго.

— Я не воровка, — сказала Ариадна.

— Все так говорят. — Сержант поднялся, грузно, как медведь из берлоги, и подошёл к полке. Достал оттуда толстую книгу в кожаном переплёте. — Вот. Реестр имущества гарнизона. Будешь вести учёт. Приход, расход, остаток. Каждую неделю — сверка с каптенармусом. Если цифры не сойдутся — крайней будешь ты. Ясно?

— Ясно.

— Жалованье — два медяка в день. Кормёжка в солдатской столовой, дважды в сутки. Жить будешь здесь же, в каморке при канцелярии. Там есть койка. Удобств никаких, но крыша над головой. Выход в город — только с разрешения. С имперцами не пререкайся, приказы выполнять, вопросов лишних не задавать. — Он строго посмотрел на неё. — Ты вообще понимаешь, куда нанимаешься?

— Понимаю, — тихо сказала Ариадна. — Но мне нужно

есть.

Грегор моргнул. На мгновение в его заплывших глазках мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Прагматично, — буркнул он. — Это хорошо. Прагматики долго живут. Ладно, Ари-без-фамилии. Приступаешь прямо сейчас. Вон твой стол.

Он указал на заваленный бумагами угол. Там стоял покосившийся столик, колченогий табурет и лампа с треснувшим стеклом. Рядом высилась гора свитков, которую, видимо, не разбирали неделями. Ариадна молча кивнула и направилась к рабочему месту.

— И ещё, — окликнул её Грегор. — Если увидишь Капитана Вэлла — а он на днях приезжает с инспекцией, — держись от него подальше. Делай свою работу молча. Он таких, как ты, насквозь видит. И не любит, когда ему врут.

Ариадна замерла, не оборачиваясь.

— Я не вру, — сказала она.

— Все так говорят, — повторил сержант и уткнулся в свои бумаги.

День тянулся бесконечно.

Ариадна разбирала свитки, сортировала накладные, переписывала реестры, сверяла цифры. Работа была нудной, механической, но в ней нашлось странное успокоение. Монотонный скрип пера, шуршание бумаги, запах чернил — всё это создавало иллюзию нормальности. Будто она не в стане врага, а в своей дворцовой библиотеке, готовит урок для ста-

рого сенешаля.

Но стоило поднять голову, иллюзия рассеивалась. За окном маршировали имперские солдаты. В коридоре звучала чужая речь. На стене висела карта королевства — её королевства, — исчерченная красными стрелками наступления.

Она работала на Империю.

Она ела их хлеб.

Она сидела в здании, над которым развевался волчий штандарт.

И где-то внутри неё, глубоко-глубоко, росло странное, пугающее чувство. Не ненависть. Не гнев. А что-то похожее на облегчение? Она больше не бежала. Она больше не пряталась в канавах, не грызла сырую репу, не вздрагивала от каждого шороха. У неё была крыша. Была еда. Была — пусть и крошечная, шаткая — определённая.

А ещё у неё была цель.

Капитан Кайан Вэлл приезжает с инспекцией.

Она будет готова.

Вечером, когда сержант Грегор ушёл в казарму, а остальные писцы разбрелись по домам, Ариадна осталась одна в канцелярии. Она зажгла лампу и развернула карту, которую стащила из вороха ненужных бумаг. Такую же, как на стене, только меньше — походный вариант.

Веньерлиан. Столица. Обведена жирным красным крестом. От неё расходились стрелки — на восток, на юг, на запад. Имперская армия наступала по трём направлениям.

Третья стрелка, самая жирная, упиралась в горный хребет Грозовые Клыки. Видимо, там, если верить собственному чутью, могло находиться то, что она ищет. Направление выделено слишком ярко, слишком явно. Ариадна помнила это место: отец часто посещал его. Ни один гость не был приглашен в поместье, построенное в районе этих гор. Там же находилась и семейная библиотека. Неизвестная для всех. Скрытая в толстых холодных стенах.

Ариадна провела пальцем по линии фронта. Ей нужно попасть туда. Но как? Пешком? Без оружия, без денег, без союзников? Это было невозможно.

Но если она останется в Имперском Легионе. Если заслужит доверие. Если дождётся, пока армия двинется к горам. Тогда она окажется в самом сердце событий. Вместе с врагом. И, возможно, с Капитаном.

Это было безумие.

Это был единственный путь.

Она свернула карту и спрятала её в рукав. Потом встала и подошла к окну. Дождь закончился. Над городом поднялся туман, подсвеченный редкими огнями. Вдалеке, за восточной окраиной, мерцали костры имперского лагеря. Где-то там, среди палаток и знамён, находился Капитан Кайан Вэлл. Тот, кто разрушил её жизнь. Тот, чьё имя она повторяла как проклятие и мучилась от того, что испытывала жалость к своим нареканиям. Заслуживал ли Капитан её ненависти? Или скорее она заслуживала его желания убить?

Она ещё не знала, что скажет ему при встрече. Не знала, хватит ли у неё сил на ненависть. Но она знала одно: игра началась. И она больше не пешка.

В ту же ночь, в имперском лагере за городом, Капитан Вэлл отдал последний приказ перед выступлением.

— В Приозёрск входим на рассвете. Проверяем гарнизон, склады, документацию. И ещё, — он помедлил, глядя на карту, — усильте патрули у восточного тракта. Наша беглянка, скорее всего, в городе. Если она попытается уйти, мы должны быть готовы.

— Думаете, она всё ещё здесь? — спросил адъютант.

Кайан поднял глаза. В них не было злости. Только холодный, математический расчёт.

— Уверен. Она умна. Умные люди не бегут без цели. Они прячутся. А лучший способ спрятаться — быть у всех на виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.